

Маршал Чуйков В.И. в Прикамье

Прославленный командующий 62 армии, сыгравшей определяющую роль в обороне Сталинграда, Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков свое первое боевое ранение получил в 1919 году под Елабугой в районе села Новая Мурзиха. Он тогда был командиром 40-го полка 28-й «Железной дивизии» под командованием Владимира Мартыновича Азина, легендарного командира Гражданской войны, освобождавшего наши края от войск А.В.Колчака. Ниже предлагаем вашему вниманию очерк о В.И.Чуйкове.

Маршал Чуйков: «Оркестр, играй «Интернационал»! Коммунисты и комсомольцы, за мной!»

Юный красный командир уgomонил 700 вооруженных мятежников с помощью перерыва на обед. Часть 2-я

Опыт военачальника, приобретенный им в Гражданскую войну на Волге и Урале, сводил с ума противника во время Великой Отечественной в прямом и переносном смысле. Так, немецкие авиаторы-«снабженцы» сбросили с воздуха своим войскам, закрытым в Сталинградском котле, женские норковые шубы вместо еды и обмундирования... «БИЗНЕС Online» завершает рассказ о легендарном советском военачальнике Василии Ивановиче Чуйкове.

Маршал

Василий Чуйков, 1971 год

«НУ ЧТО Ж, СТРЕЛЯЙТЕ ИЛИ ЛОЖКИ БЕРИТЕ!»

«Весна 1919 года вступила в свои права, – читаем в книге воспоминаний маршала СССР **Василия Чуйкова** „От Сталинграда до Берлина“. – На Каме тронулся лед. Забурлили и мелкие речки. Несмотря на распутицу, колчаковцы бросали в бой все новые и новые силы. Части 28-й дивизии вели ожесточенные бои вдоль железной дороги Екатеринбург – Сарапул – Вятские Поляны. Начдив Азин (*Владимир Мартынович Азин (Вольдемар Мартинович Азиньш), 1895–1920 – герой Гражданской войны, начдив 28-й дивизии Красной Армии; в Казани его имя носят два крупных микрорайона и три улицы – прим. ред.*) неутомимо носился по бригадам и полкам. Если оборону 28-й дивизии противник прорвать не смог, то на других участках 2-й армии было неблагоприятно. Начдив 7-й армии, офицер старой армии Романов, перешел на сторону врага...

Мы быстро выслали конную разведку на **Бондюжский завод (один из старейших заводов химической промышленности в России, сегодня – ОАО „Химический завод им. Карнова в Менделеевске, Республика Татарстан – прим. ред.)**, за ней направили 1-й батальон. Пришла пора выдвигаться колонне главных сил полка, и тут 2-й батальон, сформированный из 700 амнистированных дезертиров, взбунтовался. Они категорически отказались выступить. Командиры рот и батальона ничего не могли поделать с ними. Среди взбунтовавшихся были опытные демагоги с кулацкими и эсеровскими настроениями. И, используя наше затруднительное положение, они выдвинули контрреволюционные лозунги, стали требовать выдачи нового обмундирования и многое другое, чем мы не располагали.

Как назло, в тот день комиссара Юрьева свалил тиф. Пришлось мне брать на себя роль „укротителя“ бунтовщиков. Два раза собирал батальон, всеми силами старался уговорить идти выполнять боевую задачу, но все мои попытки были напрасными. В третий раз, возмущенный, вскакиваю на коня и несусь туда. По молодости лет и неопытности рассчитываю на этот раз подчинить крикунов строгим приказом.

Врезаюсь в шумящую толпу – и осечка. Меня зажали. Вижу, с разных сторон в голову нацелены винтовки и карабины. Защелкали затворы. Погорячись – и прошьют пулями. Как быть? Возвращаться в штаб полка, пожалуй, поздно и тактически опрометчиво: мятежники оценят этот шаг по-своему – струсил... Начнут

злорадствовать, освищут. Нет, не бывать этому! Понятно, они устали, не хотят идти туда, где опасно, но это не значит, что они вправе игнорировать распоряжения командования полка и дивизии. Почему бойцы других батальонов, такие же усталые и голодные, должны сражаться, а эти сидеть на месте? Кто дал им такую привилегию?

Чувствую, что это понимают многие бойцы взбунтовавшегося батальона, но они попали под влияние эсеровских элементов, которых надо во что бы то ни стало отколоть от этой массы, изолировать. Но как? И вдруг будто сам собой на ум приходит дерзкий и отвлекающий вызов бунтовщикам:

– Ну что ж, стреляйте или давайте обедать.

Слезаю с лошади и не спускаю глаз, как мне показалось, с самых главных закоперщиков. Они молча стоят справа и слева от меня. Позади – ординарец Петр Якушев. Поворачиваюсь к нему и говорю так, чтобы все слышали:

– Кухни на площадь! Бегом!

Петр все понял с полуслова и стремглав умчался к штабу за кухнями. Бунтовщики примолкли. Разговор об обеде отвлек их на другие раздумья. Произошел какой-то психологический сдвиг. Этим надо было воспользоваться немедленно.

– Что вы стоите? – обращаюсь к бойцам так, будто мы уже договорились обо всем. – Пошли на площадь и там за обедом потолкуем...

Толпа зароптала, задвигалась.

– Голодное брюхо словами не кормят...

– Правильно, – послышалось с разных сторон.

И закоперщики вынуждены были подчиниться желанию бойцов. Они пошли за всеми к площади, куда выдвигались кухни. Я сумел через ординарца передать командиру коммунистического батальона приказ незаметно окружить площадь, где обедали бунтари, а находившемуся в городе эскадрону 28-го кавполка построиться и быть рядом наготове. Возвращаясь на площадь, Петр Якушев как бы между делом предупредил закоперщиков:

– Пулеметы и беспощадный эскадрон нацелены на вас. Первый залп поверх голов, а если не послушаетесь, всех покосят и порубят.

Ординарец, конечно, немножко преувеличил, но это сыграло свою роль. Бунтовщики поняли, что дело может повернуться круто. Им ничего не оставалось, как приступить к расправе над котелками с кашей, а обо мне они словно забыли. И мы с ординарцем незаметно ушли.

В руках бойцов вместо винтовок и карабинов оказались ложки и котелки. Именно в этот момент на площадь выскочили конники, а на выходах с нее показались бойцы коммунистического батальона, которые окружили обедающих.

– Сдавайтесь!

И удивительно, бунтовщики подняли руки с ложками и котелками. Смех и грех. Теперь разрушить их уже не составляло трудности.

Мы отобрали зачинщиков – их набралось 63 человека, – которых предали затем суду военного трибунала».

Бондюжский завод (один из старейших заводов химической промышленности в России, сегодня – ОАО «Химический завод им. Карпова» в Менделеевске)

«СТОЙТЕ! НА МОСТ ВСТУПИТЕ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ МОЙ ТРУП!»

19 апреля командир 40-го полка Дудин решил атаковать противника и захватить село Тихие Горы, а затем наступать на деревню Бондюга. Выполнение этой задачи возлагалось на 1-й и 3-й батальоны. Командир полка, естественно, воздержался сразу бросать в бой 2-й батальон бывших «бунтовщиков».

С рассветом цепи красноармейцев пошли в атаку. «Мне было хорошо видно в бинокль все поле боя, каждого бойца, – вспоминает Чуйков. – Когда мы уже считали, что наше наступление увенчалось успехом, противник бросил в контратаку свой резервный батальон. Этот батальон действовал довольно решительно и тактически грамотно. Он отбросил нашу левофланговую роту, которая прикрывала полк со стороны деревни, и стал угрожать флангу главных сил, которые уже подходили к селу **Тихие Горы**.

В наших боевых порядках произошло замешательство. Резервов не было, и батальоны покатались назад. Часть из них отступала через **реку Тойму** вброд, западнее завода, большинство устремилось к пешеходному мостику. Сейчас там образуется пробка – отличная мишень для противника. Хорошо еще, что он увлекся атакой на **Тихие Горы** и не видит пока, куда отступают красноармейцы. Этим надо воспользоваться немедленно.

Вскакиваю на коня, обгоняю отступающих и останавливаюсь у входа на мост. В голове созрел план: повернуть людей обратно и возглавить атаку **на Тихие Горы**, то есть во фланг противнику. Но удастся ли сдержать огромную массу вооруженных людей, устремившихся на мост? Их человек четыреста, нас двое – я и ординарец. Кричу:

– Стойте! На мост вступите только через мой труп!

Вскидываю карабин. Первые остановились. На них стали напирать задние.

– Командиры, ко мне!

И теперь уже там, в задних рядах, слышались голоса:

– Стой!.. Стой!.. Назад!..

Это дали о себе знать командиры. Приказываю:

– Кругом! Бьем противника во фланг и тыл! – смотрю, большинство бойцов повернулось лицом в сторону противника. – Вперед! В атаку! – и вижу, как командиры начинают распоряжаться.

Кризис миновал. Снова вскакиваю на лошадь.

– За мной! За мной!..

Владимир Мартынович Азин (Вольдемар Мартинович Азиньш), 1895–1920 – герой Гражданской войны, начдив 28-й дивизии Красной Армии. В Казани его имя носят два крупных микрорайона и три улицы

КОМПОЛКА «ЖЕЛЕЗНОЙ» АЗИНСКОЙ ДИВИЗИИ

Вечером, подводя итоги, мы узнали, что с командиром полка случилась беда. И без того больной человек, он искупался в ледяной воде. При переходе через реку бурный поток сбил его лошадь, и ему пришлось вплавь добираться до берега. Сейчас его лихорадило, лицо посинело. Адьютант полка Назаркин, представители губкома Дунаев, Тарасов и я сидели возле него, отогревали чаем. Вошли два солдата из 2-го батальона. Они передали мне письмо: «Товарищ Чуйков! Мы чувствуем, что вы нам не доверяете и поэтому не пускаете в бой. Нам стыдно за прошлое, но неужели вы думаете, что нам советская власть не дорога, что мы можем быть изменниками? Готовы искупить свою вину. Пошлите нас в бой и поставьте сами любую задачу, мы ее выполним с честью и тем самым смоём позорное пятно». Под письмом стояли подписи почти всех бойцов батальона.

– Кто научил вас написать такую петицию? – спросил я.

– Никто, сами. Бойцы приказали нам не возвращаться обратно без прощения.

Ночью командира полка увезли в полевой лазарет. Полк остался без командира и без комиссара. Командовать полком пришлось мне...»

Итак, в конце апреля 1919 года Василий Иванович принял командование 40-м полком 28-й Азинской «Железной» стрелковой дивизии 2-й Армии РККА (*с июля 1919 года – 43-й полк 5-й стрелковой дивизии – прим. ред.*), которое завершилось в конце 1921 года. С ним он воевал на Южном, Восточном и Западном фронтах, был награжден двумя орденами Красного Знамени, именными золотыми часами и золотым оружием. Но до победного 21-го надо было еще воевать и воевать... А пока положение на фронте оставалось трудным, Чуйкову приходилось порой личным примером вдохновлять бойцов. Но это вызывалось обстановкой. Не рискован командир – и чаша весов в бою могла склониться на сторону врага. Точно так же поступал начдив Азин (*Владимир Мартынович Азин (Вольдемар Мартинович Азиньши), 1895–1920 – герой Гражданской войны, начдив 28-й дивизии Красной Армии; в Казани его имя носят два крупных микрорайона и три улицы – прим. ред.*), а с него брал пример молодой комполка. Их роднила не одна лишь молодость, но и сходство характеров, боевой темперамент, тактический почерк.

«Начдив Азин поставил полку задачу переправиться из города **Мамадыш** через **Вятку** и на восточном берегу захватить плацдарм, чтобы обеспечить переправу главных сил, – читаем в книге „Борцы за счастье народное“. – В предрассветных сумерках полк погрузился на подошедший к пристани пароход и прицепленную к нему баржу. Сначала все шло нормально. Когда же до берега оставалось метров 100, пароход и баржа сели на мель. Неподвижные суда – отличная мишень для вражеской артиллерии, и огонь ее все нарастал. Бойцы с тревогой и надеждой смотрели на своего командира.

– Оркестр, играй «Интернационал»! Коммунисты и комсомольцы, за мной! – зычным, но еще по-юношески ломким баском крикнул Чуйков и прыгнул в воду. За ним последовали несколько человек, а через мгновение посыпались остальные. Колчаковцы не выдержали стремительной атаки. Полк выполнил задачу блестяще...

«ПСИХИЧЕСКАЯ, ГОВОРИШЬ? НУ ХРЕН С НЕЙ, ДАВАЙ ПСИХИЧЕСКУЮ...»

После форсирования Вятки полк развивал наступление вдоль тракта на **Елабугу**. В районе деревень **Старая и Новая Мурзиха** 40-му и остальным полкам Азинской дивизии пришлось вести особенно тяжелые бои. Правда, обе деревни были взяты с ходу, но противник не собирался так просто отдавать выгодные позиции на окрестных высотах. Дальнейшее сильно напоминает кульминацию культового фильма братьев **Васильевых** тоже про Гражданскую войну и тоже про Василия Ивановича, но с другой фамилией: «Когда Чуйков с ординарцем выехал на северную окраину **Новой Мурзихи**, то увидел, как с восточной высоты спускаются ровные цепи колчаковцев, – продолжается очерк в книге „Борцы за счастье народное“. – Впереди офицеры с обнаженными шашками. Холодная сталь клинков зло сверкает в лучах заходящего солнца. Маршируют, как на параде. Чуйков понял: нервы красноармейцев напряжены до предела, еще немного – и случится беда. Белый конь стремглав вынес командира навстречу начавшим отход бойцам. В неизменной черной кожанке, с наганом в руке он был грозен.

– Стой! Назад! – разнесся по цепи голос. В этом призыве слились воедино и гнев, и готовность умереть, но не сойти с места, и страстный призыв к подвигу. Бойцы развернулись и с криком „Ура!“ ринулись в яростную атаку. Теперь не выдержали белогвардейцы, их цепи смешались и были смяты.

На следующий день история повторилась. Только теперь подразделения полка занимали высоту восточнее деревни. Сюда белогвардейцы направляли главный удар. Чуйков вместе с комиссаром Денисовым и помощником Сергеевым повел

батальон в контратаку. Выехав на скат высоты, он увидел в каких-нибудь трехстах метрах колчаковцев: те, как и накануне, шли в психическую атаку. Только на этот раз рядом с офицерами шагал поп в черной рясе, с крестом в руке. Цепи сходились молча. Вдруг под Чуйковым рухнула лошадь, что-то ударило по левой руке. Падая, он сумел быстро высвободить ноги из стремян. Подлетевший ординарец подал ему свою лошадь. Бойцы снова увидели командира. Грохом обрушился на врага победный их клич. Белогвардейцы повернули вспять, артиллеристы осыпали их картечью. На полном скаку врзались в беспорядочно отступавшие ряды колчаковцев конные разведчики во главе с Филиппом Гурьяновым. На помощь спешили новые отряды кавалеристов. Впереди на вороном коне появился сам Азин: он вел эскадроны кавалерийского полка. Поравнявшись с Чуйковым, крикнул только: „Здорово!“ В одном этом слове чувствовалось и упоение боем, и радость победы, и похвала командиру полка и его отважным бойцам. Начдив не отличался щедростью на похвалы, и от этого они были еще дороже».

Что касается «психической атаки», то АиФ публикует интересные факты времен уже Сталинградской эпопеи: «Во время сражения советская сторона применила революционные нововведения психологического давления на противника. Так, из громкоговорителей, установленных у передовой, неслись любимые шлягеры немецкой музыки, которые прерывались сообщениями о победах Красной Армии на участках Сталинградского фронта. Но самым эффективным средством стал монотонный стук метронома, который прерывался через 7 ударов комментарием на немецком языке: „Каждые 7 секунд на фронте погибает один немецкий солдат“. По завершении же серии из 10–20 отсчетов таймера из громкоговорителей несло танго... Многие немецкие солдаты и офицеры, имевшие за плечами немало сражений, вспоминали, что в Сталинграде у них временами складывалось впечатление, что они попали в атмосферу абсурда. Так, немецкое командование часто отдавало абсолютно бессмысленные приказы: например, в уличных боях за какой-нибудь второстепенный участок немецкие генералы могли положить пару тысяч собственных бойцов. Одним же из самых запоминающихся моментов стал эпизод, когда немецкие авиаторы-„снабженцы“ сбросили с воздуха закрытым в „кровавом котле“ бойцам вместо еды и обмундирования женские норковые шубы».

«ПОЛК ТВОЙ СТАЛ БРОНИРОВАННЫЙ!»

Но вернемся в 1919-й, в 40-й полк РКА. Когда бой переместился за село Армалы, скакать дальше Василий Иванович уже не мог. Напряжение схлынуло, и сразу почувствовалась боль в раненой руке. Он был доставлен в лазарет. Осмотр врачей показал, что рана не опасна, однако сказывалась большая потеря крови. Несмотря на это, на третий же день Василий Иванович оставил лазарет и, переправившись через Вятку, поспешил за полком. По дороге заехал к Азину. Начдив обрадовался его возвращению, обнял, похвалил: «Молодец! Полк твой стал бронированный!» («бронированными» Азин называл особо отличившиеся части).

Во время Гражданской войны Чуйков был **ранен четыре раза**: в мае 1919 года на Восточном фронте под Елабугой (деревня Мурзиха) – ранение в руку; в июле 1919 года на Восточном фронте в районе завода Уфалей (деревня Муслимово) – ранение в ногу; в мае 1920 года на Западном фронте под Лепелем – ранение в ногу; в сентябре 1920 года на Западном фронте под городом Остров – ранение разрывной пулей в плечо...

«Вечером 4 мая мы благополучно выгрузились в **Мамадыше**, – завершает рассказ о своем боевом пути на территории будущего Татарстана будущий маршал Чуйков. –

Теперь нас от противника отделяла широкая **Вятка**. На том и закончился самый тяжелый для нашей дивизии период борьбы с наступающими войсками колчаковцев. Им не удалось добиться того успеха, на который они рассчитывали. План наступления Колчака на Москву по северному направлению был сорван». 8 мая 1919 года председатель ВЦИК **Михаил Калинин** в телеграмме на имя командующего 2-й армией Шорина писал:

«От имени Центрального Исполнительного Комитета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов прошу Вас, товарищ, передать сердечное приветствие и глубокую благодарность доблестной 28-й дивизии, стойко и мужественно защищающей Советскую Россию против темных банд Колчака. Считаю своим долгом довести до сведения Рабоче-Крестьянского правительства о героических и самоотверженных боях славной дивизии. Слава героям красы и гордости нашего Социалистического Отечества!»

Василий

Чуйков, 1942 год, Сталинград

«ПРОТИВ НАГЛОСТИ ЗАХВАТЧИКОВ НУЖНЫ ХАРАКТЕР И РАЗУМНАЯ ДЕРЗОСТЬ»

Однополчане уважали своего командира за храбрость и умение воевать, за справедливость и простоту. В дневнике одного из красноармейцев – **Ивана Петровича Арентова** – сохранилась такая запись: «Командиром полка был у нас Чуйков Василий Иванович, бывший матрос, очень энергичный, сильный характером человек. Армейцы очень любили его за простоту. В дни отдыха он ходил к красноармейцам, беседовал по-товарищески, иногда боролся с ними. А в служебное время он был очень требователен». В Чуйкове замечательно уживались рассудительность опытного воина и юношеская непосредственность. В бою он преображался. Его лицо суровело, глаза становились стальными, от уголков рта пролегли глубокие складки. Это был уже не юноша, а военачальник, с которым не страшно идти на любого врага...

11 сентября 1942 года Чуйкова вызвали в военный совет фронта и предложили вступить в командование 62-й армией. Главная задача, поставленная перед новым командиром, – оборона Сталинграда. В невиданных доселе ожесточенных боях за Сталинград Чуйков успешно справился с поставленной задачей. Творчески осмысливая примеры героизма, удачные решения задач мелкими подразделениями,

он смело шел на применение новых тактических приемов борьбы в масштабах всей армии.

Сталинград,

1942 год

«Ему принадлежат интересные слова: „Если бы не „**татарские бычки**“, был бы Сталинград неудержим», – продолжает рассказ для «БИЗНЕС Online» **Михаил Черепанов**. – В смысле – мы бы его не удержали. Речь идет о БК – бронекатерах, которые делались и ремонтировались в то время в Зеленодольске. Чем они отличались от остальных военных плавсредств, которые армия Чуйкова использовала во время Сталинградской кампании? Мало того, что они быстро бегали по Волге туда-сюда, на них еще и «Катюши» стояли – наши знаменитые РС. Они залп дадут – и быстренько восвоеси, пока немецкие самолеты не прилетели. Это было очень эффективно, потому что «как обычно» – по земле, по берегу, да еще своим ходом «Катюша» все-таки передвигалась не так быстро и маневренно, как на наших катерах, тем более зимой, по снегу. Выстрелить-то она может, а вот убежать – уже нет. А катера до той поры, пока вода позволяла, не замерзала, были отличным средством передвижения. В общем, немцы от этой нашей придумки с «татарскими бычками»-катерами, что называется, «нахлебались» по полной, что и отметил даже сам командарм Чуйков».

В сборнике материалов и документов «Татарстан – Сталинграду» говорится, что Зеленодольский завод №340 наркомата судостроительной промышленности СССР занимался строительством военных судов. За годы войны было изготовлено 7 больших охотников, 77 бронекатеров, 7 морских буксиров, 5 траловых барж. За успешное выполнение оперативного боевого задания по ремонту участвовавших в операциях под Сталинградом боевых катеров, проведенного в полевых условиях, без необходимого оборудования, коллективу рабочих, ИТР и служащим завода приказом наркома судостроительной промышленности СССР от 7 июня 1943 года была объявлена благодарность.

«Мне посчастливилось быть в Сталинграде начальником штаба у такого командарма, чуждого шаблонам (в той обстановке приверженность к ним могла бы погубить все), до дерзости смелого в принятии решений, обладавшего поистине железной волей», – написал о Чуйкове маршал Советского Союза **Николай Крылов** (1903–1972) – советский военачальник, дважды Герой Советского Союза,

близкий друг Чуйкова, начальник штаба 62-й армии в Сталинградскую битву – прим. ред.). Все эти качества Василий Иванович обрел в начале Гражданской, под Казанью и Елабугой, о чем он не раз высказывался сам.

Когда судьба Сталинградской кампании висела на волоске, Чуйков записал в свой дневник слова, впоследствии вошедшие в его мемуары: «Верю, и теперь здесь, на Сталинградском фронте, если в суровых схватках с врагом мы проявим полностью все свои физические и умственные способности, если мы будем постоянно помнить о том, в каких невероятно тяжелых условиях полуразутые, полуголодные, плохо вооруженные полки молодой Красной Армии отстаивали правое дело трудового народа Советской Республики от вооруженных до зубов белогвардейцев и интервентов, гитлеровцев ждет жестокая расплата. У сурового времени свои суровые законы: смерть за смерть, кровь за кровь. Против наглости захватчиков нужны твердость характера и разумная дерзость...»

Подготовил Михаил Бирин